

Терешкина Д. Б.

**«Егда душа от тѣла нуждею разлучается,
ужасна тайна всѣмъ и страшна»
(Смерть в синодике Новоезерского монастыря)**

Синодик Кирилло-Новоезерского монастыря из рукописного собрания Новгородского государственного музея-заповедника (шифр КП 30056-242/ КР 89) датируется первой половиной XVII в. (осн. филягрань – одноручный кувшин с литерами на тулове IV под полумесяцем, 10-е гг. XVII в.), в 167 листов, писан четким хорошим полууставом (основной текст), поздние добавления в помяннике разными почерками. Судя по компилятивному характеру записей вселенского помянника, а также по некоторой путанице листов, произошедшей, видимо, при переплете рукописи, синодик имел рабочий характер; вероятно, менялся его переплет. Кроме того, можно предположить, что это тип синодика, еще вырабатывавшего принципы построения. Несмотря на это, синодик Новоезерского монастыря имеет четкую композицию и единый замысел, ясно осознаваемую авторскую концепцию и определенную тему смерти как лейтмотив сборника.

Кирилло-Новоезерский Синодик относится к синодику Второй редакции, согласно классификации И.В.Дергачевой¹. Композиция сборника трехчастна. Первая часть – литературная, представляет собой список с текстов подобного рода, широко распространенных в книжности XVII в.: нравоучительные сочинения из разных источников о душе, смерти и необходимости посмертного поминания. Большая часть рукописи (с 77 по 166 лист) закономерно отведена помяннику Кирилло-Новоезерского монастыря, куда вписаны роды вкладчиков, дарителей, насельников, настоятелей монастыря, монахов, мирян и их сродников. Наконец, третья часть (она расположена в середине сборника, между литературной частью и помянником) представляет собой цикл миниатюр (всего их 18, расположенных на лл. с 59 по 77) с изображением сцен, посвященных размышлениям о бренности человеческой жизни и неотвратимости смерти, а также небольших текстов-надписей к каждой миниатюре.

---

¹ *Дергачева И.В.* 1) Синодик с литературными предисловиями: история возникновения и бытования на Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2001. № 2 (4). С. 89-96; 2) Древнерусский Синодик: религиозно-философские аспекты истории бытования памятника. М., 2007.

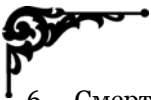

Нам уже приходилось писать об этом синодике из собрания Новгородского музея². В настоящей статье объектом нашего внимания стала смерть как таковая – как идея и образ. Мы попытались понять, что пишет синодик, главная древнерусская книга о смертном часе, о смерти, а не об усопших, рассуждениях о необходимости их поминовения, пожертвованиях в церкви в память почивших и т.д. Для этого мы включили в анализ все словоупотребления с корнем *смерт-*, сознательно ограничив круг лексем, связанных с тематикой смерти. Собственно о смерти говорится в литературной части синодика, а также в лицевой. В литературной части корень *смерт-* упоминается 30 раз, причем основное значение – ‘прекращение жизни’ – реализуется в шести семантических вариациях:

1. Нейтральное значение: смерть как черта, граница, рубеж между миром живых и миром мертвых (например: «Понеже то яко огонь есть и твоя житейская поपालет и в напасть вводит и по смерти муце предаеть» (л. 6), «Вѣрен мужъ милостынями по смерти многогрѣшную жену спасеть» (л. 12 об.) «Сынъ послушливъ при животѣ радость отцу и чтим матерію и по смерти память отцу и матери, самъ за то на сем свѣте добродѣтельное житие получить и по смерти мать обрящет» (л. 12 об.) и др.). Насчитывается 10 подобных случаев, т.е. около трети общего числа словоупотреблений.
2. Внезапная смерть. Она именуется «безгодной», «нужной»; количество словоупотреблений – 13. Выражение «смертный час» входит в эту же группу («и внезапу постиже их смертный часъ, и умроша без покаяния» (л. 46 об.)). Частота объясняется особым чином поминовения усопших, которых смерть постигла неожиданно для них самих.
3. Смерть Христа не кресте. Эта смерть «поносная», т.е. принятая в результате клеветы на Спасителя. Один случай этого словоупотребления сопрягается с еще одной лексемой с корнем *смерт-*, относящейся исключительно к Христу: «да вселить ихъ Господь с праведными и насъ помилуетъ, яко единъ безсмертенъ» (л. 22).
4. «Индивидуальность смерти» (2 употребления в одном предложении): смерть всегда «не соборна»; здесь же появляется выражение «образ смерти», т.е. вид, для каждого свой («кожеждо совѣтъ Божій тогда годъ образ смерти его искрацаеть» (л.21)).
5. «Смерть люта» (1 пример): «Еже он своим родителемъ не творить памяти и ближним своимъ, по умертви же сего память погибнет, по пророку, глаголющу: «Смерть люта...» (л. 35 об.).

---

² Терешкина Д.Б. «Гробъ зряще, живемъ яко безсмертни»: Тема смерти в синодике из собрания Новгородского музея / Динамика эволюции человеческого интеллекта, этико-эстетического восприятия мира и художественного творчества: Сборник материалов XIII международной научно-практической конференции (Киев, Лондон, 10-14 ноября 2011 года). Одесса, 2011. С. 65-68.

6. Смерть праведна (1 пример): «честна пред Господемъ смерть пре-подобныхъ Его» (л. 27 об.).

Таким образом, при едином общем значении употребление лексем с корнем *смерт-* различаются в зависимости от отношения этого понятия к жизни. Парадоксальной может показаться мысль о том, что смерть – это понятие жизни, но именно к этому выводу приходится прийти, проанализировав синодичную литературную часть. Смерть – это прекращение жизни; в зависимости от того, как этот путь жизни был пройден, смерть будет праведной или страшной; к смертному часу каждый подходит поодиночке; Христос, живший на земле как человек, как человек же и умер – по-настоящему, оставив на время тело свое – и лишь Он один, «смертию смерть поправ», живет вечно, в том числе святым Своим телом, чего лишены простые смертные.

Примечательно, что лишь слово «смертный» полностью отражает истинное и исконное значение смерти. Общеславянское «смерть» «образовано с помощью приставки *съ-* в значении "хороший" (см. *свобода*, *счастье* и пр.) от *мърть* "смерть", производного посредством суф. *-тъ* от **mъrǫ*, *merti* (> *мру*, *мереть*). Буквально – "хорошая, естественная, своя смерть" (ср. *умереть своей смертью*). Приставка *съ-* в этом значении родственна местоимению «*свой*»: хорошо, так сказать, то, что свое»³. Смертный – значит 'подверженный смерти, такой, который не может жить вечно; человек'. Народная мудрость «все мы смертны», во множестве вариаций представленная в речевом обиходе (только у В.И. Даля таких вариаций несколько десятков⁴), выражает отношение к смерти как естественному концу жизни, к которому каждый должен иметь смирение и приятие, что возможно при определенном приуготовлении. Именно поэтому жуткой является смерть внезапная во всех ее видах – именно такой смерти отводится в синодике большая роль. Книжник, создававший Новоезерский синодик, вслед за своим источником подробно описывает виды «нужной» смерти людей утопших, разбившихся, огнем сожженных, убитых разбойниками, на поле брани, замученных «злыми господами», самих себя лишивших жизни во иступлении ума, заблудившихся в лесу и болоте, умерших от голода, жажды, холода, грозы, в плену, в расселинах каменных и пещерах, за веру Христову замученных и убитых, куском подавившихся, младенцев, небрежением отца и матери умерших, прося Господа за всех: за тех, о ком знают, и тех, кто принял смерть никому не ведомую. Смерть «нужная», т.е. внезапная, вынужденная, без приуготовления, не является естественной и нуждается в особом указа-

---

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/47738>. Дата обращения: 17.01.2014.

⁴ Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/355562>. Дата обращения: 17.01.2014.

«Егда душа от тѣла нуждею разлучается»

нии в помяннике. Синодик Новоезерского монастыря отличается от других подобных памятников тем, что его поминальная часть не только указывает имена поминаемых, но и вид смерти каждого из них: это случаи внезапной или доблестной кончины. Над именами с общим списке читаются не только традиционные надписания «младенца», «инока», «скимника», «юродиваго» (единичный случай), но и – последовательно и с особым тщанием – «убиеннаго», «утопшаго», «згоревшаго», а на л. 93 об. киноварью на левом поле читается запись: «Дворяня и дети боярские и всяких чинов люди, которые под Псковом на боех побиты на государеве службе» - и далее, возле групп имен, указания: «новгородцы», «псковичи», «пусторжевцы», «торопчане, лучане, луцкие казаки», а также «Ржевы» и «Володимеровы». Такое внимание к способу смерти не только возвращает к первой части синодика, к вселенскому помяннику, где упоминаются все умершие благочестивой или внезапной смертью, но и словно «восстанавливает справедливость», когда и в земной молитве по-разному умершие розно и поминаются – а, значит, и в мире ином это поминовение им «зачтется». В этом, как мы предполагаем, отражается монастырская традиция поминовения, гораздо более строгая и духовно определенная, чем мирская.

Лицевая часть Новоезерского синодика начинается миниатюрами, изображающими именно внезапную смерть. Миниатюры синодика расположены как цикл, как некая вставная книга-повествование, а не рассредоточена по всему тексту, как это наблюдается в других подобных памятниках, и представляет собой отдельный сюжет, выстраиваемый и посредством изображений, и текстов к ним.

Все миниатюры Кирилло-Новоезерского синодика как будто повторяют одну схему: предстояние у гроба умершего и размышления о смерти. Включаются также миниатюры, изображающие Праведный суд, воздаяние душам грешников и торжество Души праведной. Нет отмечающихся в других рукописях синодичного содержания изображений людских грехов, в красках описывающих закономерное и соразмерное воздаяние за них. Нет захватывающих сцен ужаса Геенны огненной, нет сложных символов, изображающих тернистый путь души после ее отделения от тела. Нет даже вариаций образа смерти, где, казалось бы, более всего могла разгуляться фантазия художника, призывающего задуматься о страхе конечного часа человеческой жизни. Все сдержанно, просто и как будто однообразно.

Однако такое впечатление создается у современного читателя лишь потому, что наше сознание обременено сложными представлениями о смерти под влиянием и поздних русских, и средневековых западноевропейских источников, где Пляска смерти является одним из самых страшных зрелищ в человеческой культуре, в том числе книжной.

Миниатюры Новоезерского синодика сопровождаются кратким комментарием в виде текста с левой стороны – так, чтобы чита-

тель мог видеть одновременно и текст, и изображение. У исследователей синодики сложилось представление, что «в большинстве Синодики XVII в. миниатюра по отношению к тексту «играет чисто служебную роль иллюстрации... миниатюра, обычно, ничего не дает сверх содержания статьи или рассказа: она следует за нитью повествования, стремясь передать его во всех подробностях»⁵; «стараясь быть равной тексту по полноте содержания, иллюстрация в Синодике, однако, никогда почти не переступает этих пределов, ничего не дает сверх литературного содержания»⁶. Мы же склонны утверждать, что именно миниатюры являются той частью повествования в Синодике, которая более всего подвержена вариациям и невольному проявлению индивидуального видения канонических в целом представлений о смерти. Эта мысль уже была высказана искусствоведами⁷. В нашем синодике она подтверждается анализом миниатюр.

Смерть на миниатюрах Новоезерского синодика изображается неожиданно спокойно. Это человекоподобное существо, с нагим и чрезмерно светлым телом, с косою и колчаном, полным орудий смерти – копьё, пила, лук, крюк и др. Но лицо смерти не страшное, не вызывает ужаса, чувства омерзения или хотя бы эстетического неудовольствия. Можно даже сказать, что лицо смерти – «человеческое». Оно способно на эмоции и выражает их мимикой. Смерть способна не только на чувства, но и на сострадание. На первой миниатюре смерть предстает перед человеком, пытающемся ее утратить своей храбростью и доблестью, и посему у смерти, которая знает, что нет от нее спасения, спокойно-снихождительное выражение лица. Текст к миниатюре: «Человекъ, иже с мечемъ стоя, противляясь смерти, сей человекъ наслажаяся мира сего красот и насыщая мира сего чрево свое сладкими пищаами, дерзая на грѣхъ, а не поминая смерти, ни дни страшнаго, ни суда будущаго. А се смерть его при концы живота и увѣсть, что смертен и тлѣнень» (л.59 об.). Нельзя согласиться с тем, что миниатю-

---

⁵ Скрипиль М. О. Синодик // История русской литературы: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941-1956. Т. II. Ч. 2. Литература 1590-х – 1690-х гг. 1948. С. 294-300. Цит. по: [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/ilo/i22/i22-2942.htm>. Дата обращения: 17.01.2014.

⁶ С этой точкой зрения согласна И.В.Дергачева (*Дергачева И.В.* Синодик с литературными предисловиями: история возникновения и бытования на Руси. С. 96).

⁷ Сукина Л.Б. 1) Очерковые миниатюры русских рукописных Апокалипсисов и Синодики второй половины XVII века / Автореф. дисс.канд. культурологии. М.,1998; 2) Рукописные помянники Сольбиной пустыни: интерпретация Синодика Леонтия Бунина провинциальной книжной культурой XVIII века // История и культура Ростовской земли. 1995. Ростов, 1996. С. 147-152 и др. работы автора; Давидова М. Г. Старообрядческий Синодик из Причудского собрания Пушкинского дома. [Электронный ресурс] URL: http://www.portal-slovo.ru/art/36139.php?ELEMENT_ID=36139&SHOWALL_2=1 Дата обращения: 17.01.2014.

«Егда душа от тѣла нуждею разлучается»

ра здесь подчинена тексту – напротив, текст поясняет изображение. Вторая по счету миниатюра изображает человека, уже сокрушающегося и разделенного на душу и тело (рядом с воином изображена еще одна человеческая фигура, поменьше) – и смерть приобретает вид существа, все выражение лица которого говорит лишь об одном: «не в моих силах отменить приговор, и скорблю вместе с тобой, человек, а ничего не поделаешь». Текст у миниатюры: «Тогда сътуеъ о неразумии своемъ, уже бо время покаянiю прииде. И стоя сокрушеннымъ сердцемъ, зря на тѣло свое» (л. 60 об.).

Нельзя не отметить, что в образе смерти сказывается влияние литературного источника – сказания о прении живота со смертью (перешедшее позже в лубочный сюжет «Аника-воин»). Образ смерти в сказании – «человечъ есть и страшен велми»⁸. И далее, в прямой речи воина: «Аз есмь силен и храбр, и на ратех многия полки побиваю, а от тех ни един человек не может со мною битися, ни противу мене стати, а ты како ко мне едина пришла еси? И хоцещи ко мне приблизитися, а оружия с собою носиши много; видишися ты мне не удала и состарелася еси многолетною старостию, а конь у тебе аки много дней не едал и изнемог гладом, токмо в нем кости да жилы; аз тебе глаголю кротостию и старость твою почитаю: отиди скоро от мене, бежи, доколе не поткну ты мечем моим». Смерть и сама признает, что она непривлекательна: «Аз есть ни силна, ни хороша, ни красна, ни храбра», а никто еще не сумел ей воспротивиться. Сказание описывает и орудия смерти: «И внезапно же прииде к нему смерть, образ имеа страшен, а обличие имеа человеческо – грозно же видети ея и ужасно зрети ея; и оружия носяше с собою много на человека учинены: мечи, ножи, пилы, рожны, серпы, сечива, косы, бритвы, уды, теслы и иная многа незнаемая, иже кознодействует различно на разрушение человека». С большой долей уверенности можно предположить, что автор миниатюр Новоезерского синодика не только знал литературное сказание, но и использовал его символику и идейный замысел, по-своему интерпретировав его. Диалоговая форма (разговор воина со смертью), в тексте-пояснении к первой миниатюре переведена в косвенную речь. Сглажен в лицевом варианте эффект неожиданности: в сказании воин вначале не признает смерть, и смеется над нею, покусившейся на него. В надписи к миниатюре автор и читатель знают, что это смерть (подписано киноварью над ликом смерти), и только воин с мечом еще не понимает этого.

Происходит в Новоезерском синодике и трансформация сюжета: в сказании воин пытается выкупить отсрочку от смерти, в лицевой части синодика сюжет этот урезается, и диалог ограничивается сето-

---

⁸ Текст сказания на древнерусском языке опубликован: Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Подгот. текста повести и прим. Р. П. Дмитриевой. М., 1969. С. 464-466, 757-758 (прим.).

ванием умирающего, что момент смерти наступил так быстро и неожиданно. Далее в синодике следуют общие рассуждения о суетных заботах человеческого бытия, не позволяющих помнить о смертном часе. Однако подтекст повести несомненно присутствует в последующих миниатюрах, хоть и совершенно скрытым образом.

Откупаясь от смерти золотом, многими богатствами, воин в сказании называет смерть именованиями, весьма неожиданными в таком случае: «Госпоже моя, добрая и славная смерть! ...госпоже моя, друг любимый, отиди, госпоже моя, от мене с честью великою, ...отбежи, госпоже, от мене скоро». Воин просит дать ему малое время, чтобы он успел посетить своего отца духовного и покаяться. На это смерть резонно замечает, что люди клянутся и дают обещания чуть не каждый день, и всякий раз снова согрешают, «...а мене забываете, а ныне как аз пришла, так и возму. Ко всем моя любовь равна есть: какова до царя, такова и до нища, и до святителя, и до простых людей». Примечательно, что смерть абсолютно бескорыстна, и в этом ее великое предназначение: не менять свое решение ни за какие блага мира. А ее объяснения воину вызывают почти жалость и сочувствие к самой смерти: «Да еще бы аз богатство собирала, ино бы не было и места, где ми его класти, понеже, человеце, прихожу аз, аки тать в нощи, безвесно».

Отказываясь дать отсрочку, смерть не выступает самовольным карателем душ человеческих, а говорит о том, что действует лишь по воле Господа: «ни милую, ни наравлю никому: как прииду, так и возму, но токмо жду от Господа Бога повеления, как Господь повелит в мгновении ока возму, в чем тя застану, в том ти и сужду», а ранее, общаясь, что ее еще никто не мог избежать и победить, смерть с горечью констатирует: «Хотела бы того, кто бы противу мене стал и брался бы со мною, но несть: ни царь, ни князь, ни богатыри, ни всякий человек, ни жены, ни девицы, никто же смел со мною браться, - ни юн, ни стар». Вся эта текстовая часть отсутствует в синодике, но, во-первых, воспроизводится в сознании читателя (и созерцателя миниатюр) как хорошо известный текст, а во-вторых, просматривается в дальнейшем изображении смерти.

Смерть последовательно появляется на миниатюрах №№ 4, 5, 6, 7, 14 и 16, и это случаи изображения смертного часа, т.е. процесса умирания, разлучения души с телом. В других миниатюрах смерть исчезает со сцены, и, следовательно, не уживается победой над жизнью человеческой. Как наблюдатель присутствует смерть на миниатюре №7 (илл. 1), взирая на умирающего в сокрушении и с осознанием своего бессилия помочь преставившемуся, ибо время у него было, а ее собственный приход поворотить может только Бог, которому молиться нужно было успеть еще при жизни. Текст к миниатюре: «О дивное чудо! Гробь зряще, живемь яко безсмертни. Егда душа от тѣла нуждею разлучается, ужасна тайна всѣм и страшна. Душа убо плачется, поидет, тѣло же покрывается землею. Тѣмже мы разумѣвше конечный

«Егда душа от тѣла нуждею разлучается»

исходъ» (л. 65 об.). Миниатюра №7 из цикла миниатюр Новоезерского синодика – одна из наиболее пронзительных: изображен по сути момент умирания, свершение частного суда, и смерть как персонаж присутствует при этом просто потому, что смерть как физический и духовный процесс еще не свершилась, и прежде чем драма закончится, все ее участники должны быть на сцене.

Все остальные рассуждения о смерти – это сокрушения по поводу разложения тела, еще недавно бывшего живым и прекрасным. Примечательно, что, дав волю эмоциям в литературной части лицевого цикла (подписи к миниатюрам⁹) («зрак погибаетъ, помрачается лице. Уши разрушаются, руцѣ увядають, нозѣ гробу предаются. Велий плачь и бѣда разлучение души, адъ погибелный прременный животъ, стѣнь и сонъ преселный. <...> Приидѣте, возримъ на гробъ ясно. Гдѣ доброта телесная? гдѣ юность? гдѣ очи и зракъ? Вся исчезнуша. Вся телеси моего удеса празна видящи, язык молчанием затвориста» (л.71 об.)), в изобразительной части создатели синодика оказываются гораздо более сдержанными, изображая мертвое тело схематично (либо как обрнутое в пелены, либо как скелет), как лежащее в гробу без натуралистических устрашающих подробностей. Однако все эти размышления над разрушающимся мертвым телом – лишь раздумья живущих, оставшихся в том мире, где смерть существует как поминутная возможность и угроза; к умершему же это все уже не имеет никакого отношения, ибо смерти для мертвых нет. О ней следует помнить живым.

Примечательно, что смерти нет на миниатюре №9, где изображается самый драматичный момент: взывание отходящей души сразу ко двум мирам – небесному и земному, ее неопределенность, какому миру она принадлежит и в каком мире ей искать помощи: «О лють, какову имать тяготу душа, егда разлучается от тѣла! Тогда плачется, ко анггеломъ очи возводящи и к человѣком руцѣ простирающи и не имать, кто ей поможетъ» (л. 66 об.). Миниатюра изображает предстояние перед одром умершего с левой стороны – живых людей, с правой – ангелов, и душу над головой почившего, в виде маленького голого человечка, простирающего руки к ангелам, наклоняющимся к нему с сокрушенным видом (внизу, у ног почившего, си-

---

⁹ Тексты подписей Новоезерского синодика неоригинальны. Они почти дословно повторяют многие фрагменты подписей других лицевых синодиков, воспроизводящих чтения чина отпевания усопших (см., напр.: *Гольшев И.А.* Синодики Вязниковского Благовещенского монастыря. 1651, 1679, 1686 гг. // Владимирские епархиальные ведомости. 1885 г. №2. Часть неофициальная. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tsiplev.ucoz.ru/publ/istorija_severo_ostochnoj_rusi/i_a_golyshev_quot_sinodiki_vjaznikovskogo_blagoveshhenskogo_monastyra_quot/4-1-0-76. Дата обращения: 27.05.2014). Состав и следование миниатюр также схожи в синодиках разного происхождения; основные различия, повторим, содержатся в разночтениях визуального изображения сцен сюжета «разлучение души с телом».

дят бесы, протягивающие руки к телу, пытающиеся удержать душу и заполучить ее в свое царство, изображенное в правом нижнем углу в виде разверстой пасти геенны огненной в черном адском провале). Смерти же здесь нет потому, что ее дело уже сделано: когда начинается спор о душе между темными и светлыми силами, земная жизнь человека окончательно завершена, а смерть, выполнив роль вестника и проводника в мир мертвых, уходит так же незаметно, как неожиданно появляется в неурочный час. Важным оказывается факт, что душе, ушедшей из земного мира, требуется помощь оставшихся жить, и эта помощь является главной идеей синодика: необходимость молитвы за умерших, чтобы их душам было ниспослано Царствие небесное. И тогда, как в изображении на последней миниатюре синодика и в текстовом пояснении к ней, «душа чиста, аки дѣвица украшена всякими вѣтми, стоитъ превъше солнца, а луна ей под ногами, а молитва у ней изо усть аки пламя до небесъ и превъше небесъ. Слезами пламя терние грѣховное погаси, постомъ лва связа, смиреннемъ змия укроти. Дьяволъ падеся, аки котъ. Душа творила милостыню, поставлена у престола Господня» (л. 76 об).

Новоезерский синодик из собрания Новгородского музея является собой провинциальный тип сборника: характер миниатюр, выполненных «изобразительной скорописью» с довольно небрежным нанесением красок на графический контур, некоторая несоразмерность композиции изображений, механическая тиражируемость элементов и др., - все это словно лишает нас права считать Новоезерский синодик памятником, достойным высокой оценки в истории письменности. Однако значение лицевого синодика из собрания Новгородского музея исторически немаловажно – как факт провинциальной монастырской художественной и книжной культуры и как еще один пример сложного понимания смерти в Древней Руси. В Новоезерском синодике скромность равна достоинству: в нем нет экзальтации, утрирования и устрашения ужасными образами смерти, все сдержанно, спокойно, величественно, потому что вечно. Но и по-домашнему трогательно и вызывает по-настоящему искренние чувства. Смерть в изображении Новоезерского синодика – это «смертный час», рубеж, состояние перехода души в тот мир, к которому она должна быть готова каждую минуту, пока живет в теле. Потому синодики и назывались в Древней Руси не «книгой мертвых», а «книгой живых»; потому и смерть – это понятие жизни, естественное тогда, когда жизнь христианина проходит согласно его естеству, то есть – исполнения воли Божией в каждом человеке.

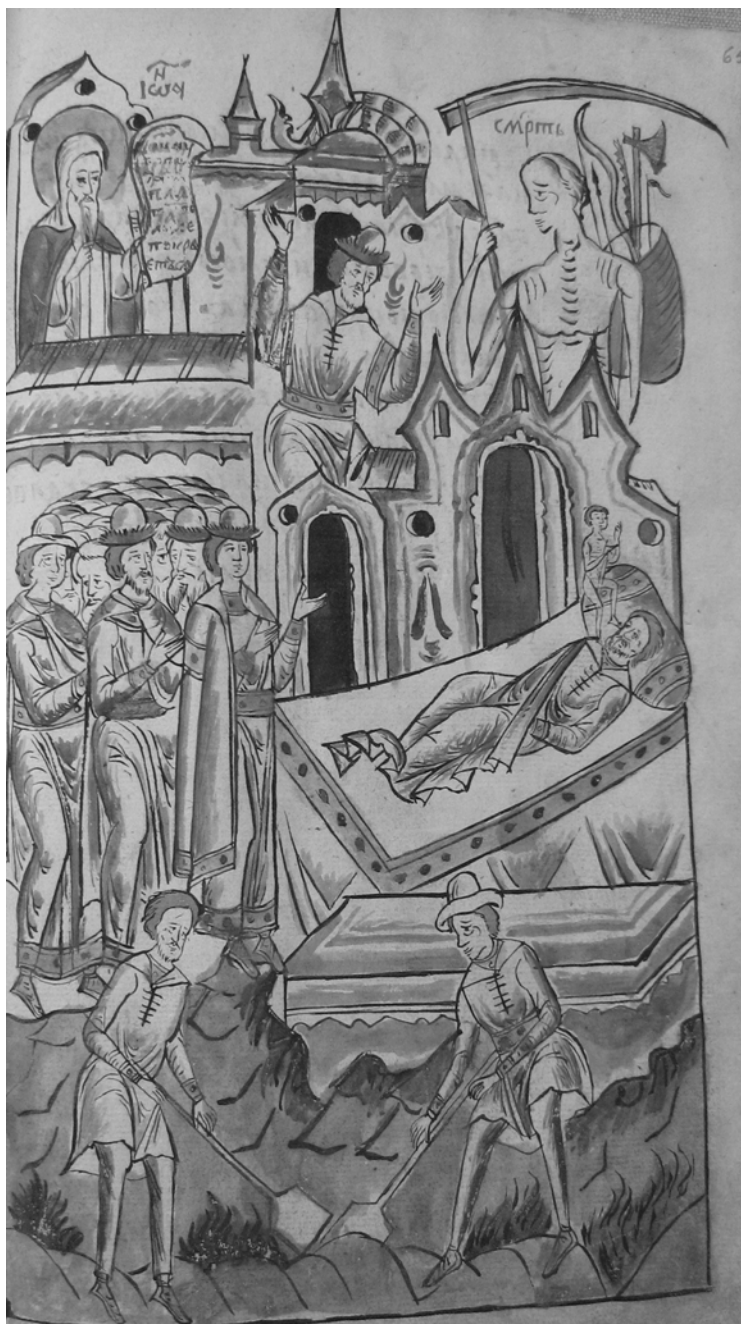

Иллюстрация 1

Использованные источники и литература.

1. *Гольшев И.А.* Синодики Вязниковского Благовещенского монастыря. 1651, 1679, 1686 гг. // Владимирские епархиальные ведомости. 1885 г. №2. Часть неофициальная. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tsiplev.ucoz.ru/publ/istorija_severo_ostochnoj_rusi/i_a_golyshev_quot_sinodiki_vjaznikovskogo_blagoveshhensko_go_monastyrja_quot/4-1-0-76. Дата обращения: 27.05.2014
2. *Давидова М. Г.* Старообрядческий Синодик из Причудского собрания Пушкинского дома. [Электронный ресурс] URL: http://www.portal-slovo.ru/art/36139.php?ELEMENT_ID=36139&SHOWALL_2=1 Дата обращения: 17.01.2014.
3. *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/355562>. Дата обращения: 17.01.2014.
4. *Дергачева И.В.* Древнерусский Синодик: религиозно-философские аспекты истории бытования памятника. М., 2007.
5. *Дергачева И.В.* Синодик с литературными предисловиями: история возникновения и бытования на Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2001. № 2 (4). С. 89-96.
6. *Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) /* Подгот. текста повести и прим. Р. П. Дмитриевой. М., 1969.
7. *История русской литературы: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941-1956. Т. II. Ч. 2. Литература 1590-х – 1690-х гг. 1948. С. 294-300.* Цит. по: [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/ilo/i22/i22-2942.htm>. Дата обращения: 17.01.2014.
8. *Сукина Л.Б.* Рукописные помянники Сольбинской пустыни: интерпретация Синодика Леонтия Бунина провинциальной книжной культурой XVIII века // История и культура Ростовской земли. 1995. Ростов, 1996. С. 147-152.
9. *Сукина Л.Б.* Очерковые миниатюры русских рукописных Апокалипсисов и Синодиков второй половины XVII века / Автореф. дисс.канд. культурологии. М., 1998.
10. *Терешкина Д.Б.* «Гробь зряще, живемъ яко безсмертни»: Тема смерти в синодике из собрания Новгородского музея / Динамика эволюции человеческого интеллекта, этико-эстетического восприятия мира и художественного творчества: Сборник материалов XIII международной научно-практической конференции (Киев, Лондон, 10-14 ноября 2011 года). Одесса, 2011. С. 65-68.
11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/47738>. Дата обращения: 17.01.2014.